

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ МЕДИЦИНСКИХ НАУК

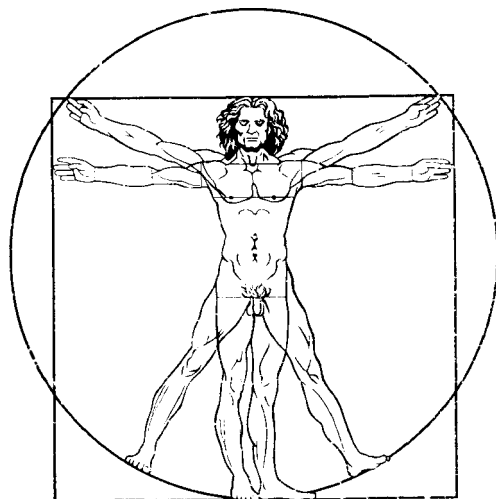
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ
СЗО РАМН

А. А. Тотолян

Академик РАМН

«ЧТО ОТДАЛ – ТО ТВОЁ»

Актовая речь по поводу 119-летия НИИЭМ РАМН
Декабрь 2009 г.

«ЧТО ОТДАЛ – ТО ТВОЁ»

Возвращение к древней восточной мудрости вызвано желанием через эту призму обратиться к более чем вековой истории ИЭМа и делам людей, связавшим с ним свою судьбу.

Сегодня Институт отмечает очередной день рождения – 119-летие. В нем еще работает считанное число специалистов, которые прошли почти добрую половину этого пути. Мне хотелось бы от их имени поделиться с уважаемой аудиторией отдельными мыслями о прошлом, настоящем и будущем одного из известных научных учреждений страны. Идея состоит в том, чтобы рассмотреть научные традиции Института в разрезе судьбы 4-5-ти работавших в нём поколений ученых и 3-х социально-экономических формаций, при которых Институту пришлось функционировать. Наиболее полно судьба Института оказалась связанной с перипетиями XX века, несколько раз больно проехавшими по нему катком.

Надлежит понимать, что однозначно оценить все события жизни ИЭМа, особенно последнего десятилетия, любому из их участников или свидетелей достаточно трудно. Расстояние слишком близкое для объективной оценки и без какой-либо эмоциональной составляющей. Полагаю, что и в настоящем докладе отдельные оценки и положения

вряд ли совпадут с мнением всех коллег и будут далеки от безупречности.

Я готов отчасти признать их субъективный характер, тем более что «всем не угодишь». Понимание этого весьма облегчило работу над докладом. Однако чем чаще мы будем возвращаться к подобным вопросам, тем лучше сумеем оценить плюсы и минусы пройденного пути, и тем активнее будем влиять на будущее Института. Обсуждение этих и аналогичных вопросов может стать еще одной научной традицией, необходимой для развития творческой общности руководителей и коллективов, для укрепления атмосферы сотрудничества, создания «зоны комфорта» для научного творчества, а также для поддержания творческого баланса в возрастном составе Института. Прогресс в этой сфере деятельности позволит за словами «мы из ИЭМа» прочитывать его место (или рейтинг) в отечественной и мировой науке. В сказанном нет ничего нового, – достаточно обратиться к примеру ведущих университетов мира. Важно лишь помнить, что рейтинг нуждается в ежедневной, а не только в исторической подпитке.

Каким должно быть содержание понятий «научные традиции», «творческий дух коллектива» и т.п.? На мой взгляд, они должны быть вполне осязаемы и иметь материальную, а не виртуальную, основу и быть индивидуализированы для конкретного научного учреждения в зависимости от его структуры, назначения и принципов управления. Если исходить из справедливости этого положения, то для ИЭМа первостепенными должны быть признаны его многопро-

фильность, фундаментальность базовых медико-биологических исследований, направленных на теоретическое обоснование подходов для решения прикладных проблем медицины и ориентированных на его исторический опыт. Древние греки исходили из того, что соблюдение традиций не есть сохранение пепла, а является сохранением животворного огня.

Если исходить из того, что под традициями чаще всего следует подразумевать совокупность долговременно действующих факторов и условий, характеризующих или определяющих вектор, а также тенденции развития, то для ИЭМа к положительным традициям желательнее отнести следующие:

- поддержка гибкой университетской структуры, объединение коллективов лабораторий вокруг ограниченного числа актуальных научных проблем, как на концептуальной, так и на методической основе (*структура постоянно поддерживалась с учётом кадровых возможностей; комплексность же значительно ослабла*);
- организация внешних (в т.ч. и зарубежных) комплексных связей (*сегодня они существуют лишь в ограниченном масштабе*);
- создание временных научных групп для оперативного решения проблемных вопросов на стыке наук; (*Институт имеет в этом вопросе достаточный опыт, хотя формально организация таких групп активно не культивируется*);

- создание служб для научно-технического обеспечения работы лабораторий на базе общности методических подходов *(в этом вопросе имеются неудачные попытки прошлых лет, хотя целесообразность такого подхода очевидна);*
- создание постоянно действующих научных семинаров по узловым вопросам, представленных в ИЭМе дисциплин (типа Павловских сред) с привлечением к их работе не только сотрудников Института, но и ведущих отечественных и зарубежных специалистов и широкий круг студентов *(развитие этой работы крайне необходимо во имя повышения авторитета ИЭМа);*
- обеспечение расширенного участия в научной работе одаренных студентов медико-биологических вузов и факультетов через бакалавриат, магистратуру и дальнейшую подготовку кадров высшей квалификации *(в этом вопросе имеется значительный, хотя и не всегда успешный, опыт в ряде отделов);*
- формирование и развитие научных школ *(ИЭМ имеет в этом вопросе бесценный опыт, сегодня нуждающийся в серьезной поддержке);*
- воспитание у сотрудников навыков ориентирования в проблемах смежных научных дисциплин *(естественно, что этот аспект должен лежать в основе организации комплексных исследований);*

- воспитание научной молодежи на лучших примерах истории науки в ИЭМе *(в Институте есть возможности для расширения и совершенствования этой работы);*
- совершенствование структуры вступительных экзаменов в аспирантуру и экзаменов по кандидатскому минимуму в соответствии с повышением квалификационных требований к научным работникам;
- разработка системы мер морального и материального стимулирования молодых научных сотрудников, включая их выдвижение на должности руководителей групп;
- соблюдение норм научной этики в вопросах авторства и приоритетности результатов при подготовке публикаций и отчетных научных материалов *(три последних аспекта являются строгим велением сегодняшнего дня).*

Часть из этих положений прижилась или приживается в Институте, но, очевидно, что мы еще далеки от оптимального достижения перечисленного. Ребенок зачат, но еще не родился, а если родился, то еще недостаточно окреп. Однако, на мой взгляд, Институт располагает всем необходимым для развития традиций научного творчества.

В ряде стран (США, Италия, Чехия) существуют институты, аналогичные по структуре нашему. Но это лишь видимость сходства, ибо там речь идет о собранных под одной административной крышей научных учреждениях определенной отрасли. По формальным критериям ИЭМ походит на эти научные конгломераты, в которых каждая научная единица могла бы существовать самостоятельно. Мы не в состоянии

выдержать сравнение, хотя бы в силу иных масштабов организации и функционирования. Однако это не является показателем слабости ИЭМа, а скорее наоборот. Уникальная, исторически сложившаяся, университетская структура Института может быть рационально использована для комплексной разработки научных программ и проектов в рамках ограниченного числа дисциплин или направлений. Естественно, что комплексность потребует от каждого отдела определенных «жертв», отказа от чего-то «своего», но в интересах решения комплексной задачи. При этом, безусловно, возрастет эффективность и конкурентоспособность Института, и, соответственно, его рейтинг. За примерами успешных комплексов далеко ходить не надо: работы по аутоиммунной теории патогенеза атеросклероза заслужили диплома на открытие и Государственной премии; работы по центральной регуляции иммунного ответа – диплома на открытие; работы по патогенезу постинфекционных осложнений – премии Ольденбургского; работы по молекулярной генетике стрептококков – I премии РАМН; итоги работ по демиелинизирующим заболеваниям центральной и периферической нервной системы, по генетике липидного обмена и ряд других исследований вышли за пределы Института. Большие успехи демонстрировал комплексный по своей природе Отдел фармакологии. Новое дыхание приобрели работы Отдела молекулярной генетики после объединения биохимиков и эмбриологов вокруг изучаемых проблем. Много нового удалось добиться Институту в комплексе с зарубежными специалистами, если судить по росту количества публикаций в иностранных изданиях.

Очевидно, что в условиях комплекса задачи по руководству и исполнению проектов также станут решаться более профессионально, чем в рамках возможностей одного конкретного отдела или лаборатории. Такая гибкая структура организации работ должна укладываться во временные рамки реализации проектов и не затрагивать базовую структуру Института.

Есть основания полагать, что изложенные соображения могут быть приняты большинством теоретически, а на практике окажутся приемлемыми лишь для меньшинства. Противоречивые тенденции могут встретиться и на пути организации служб общего пользования. Время рассудит противоположные стороны и многое будет определяться тем как каждый из нас относится к решению вопроса «Я или Институт». Крайние ответы на него одинаково вредны для дела. Необходим разумный баланс интересов на основе компромиссных решений. Хотим мы того или нет, но эти вопросы уже стоят на повестке дня.

В апреле вышло Постановление Правительства РФ за № 312 «Об оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения». Согласно ему раз в 5 лет оценка будет проводиться федеральными органами исполнительной власти и государственными академиями наук. Итоги оценки будут учитываться для определения объемов финансирования и оптимизации сети научных организаций в стране и для отнесения НИИ к одной из следующих категорий:

1-я категория – организации-лидеры, 2-я категория – стабильные НИИ удовлетворительной результативности и 3-я – НИИ, утратившие профиль и перспективу развития. Претенденты на лидерство (а ИЭМ несомненно достоин его) должны иметь мировой уровень или уровень выше среднего и располагать нужным материально-техническим, технологическим и кадровым потенциалом для дальнейшего развития.

Одно из центральных мест в вопросе о научных традициях обычно отводится формированию и развитию научных школ. Дискуссионными являются и представления о том, что такое научная школа – преемственность поколений ученых в развитии конкретного научного направления или формирование научного мировоззрения, стиля, навыков и отношения к творческому процессу? Думается, что школа должна быть производным и от первого, и от второго при условии, что её устойчивое развитие невозможно без учета достижений фундаментальной науки, новых технических и технологических решений и учета общественных и государственных потребностей. Невольно напрашивается вопрос, в чем причина того, что с 2005 года научные школы Института стали терять государственную поддержку?

ИЭМ всегда, со дня основания, славился научными школами мирового уровня. Не будем говорить о классиках, всех не перечислить (С. Виноградский, Д. Заболотный, Е. Лондон, И. Павлов, Н. Кравков и другие). Обратимся к менее отдаленным временам. Уже к середине XX века ИЭМ был широко известен как крупный научный центр в облас-

ти физиологических (Л. Орбели, П. Купалов, С. Аничков, Д. Бирюков, А. Карамян, В. Карасик, П. Веселкин, К. Абуладзе, Н. Хромов-Борисов, Н. Бехтерева и другие), микробиологических (О. Гартох, А. Смородинцев, В. Иоффе, П. Здродовский, Г. Чистович, Б. Аветикян и другие), биохимических (В. Энгельгардт, В. Ильин, С. Нейфах, А. Климов и другие) и морфологических (Н. Аничков, А. Заварзин, Н. Хлопин, Д. Насонов, М. Войно-Ясенецкий, В. Гаршин, Ю. Жаботинский, В. Михайлов, П. Светлов, В. Пигаревский, А. Дыбан и другие) наук.

Здесь рождались новые научные теории и концепции, как например, теория эволюции тканей, современная цитология, экологическая физиология, генетика митохондрий и связанная с ними наследственная патология, основы висцеральной физиологии, в частности системные механизмы кровообращения, клиническая и эпидемиологическая иммунология, морфологические основы врожденного иммунитета, теория критических периодов развития в эмбриогенезе; учения о патогенезе атеросклероза и нарушениях липидного обмена, об укороченных условных рефлексах, лихорадке, живых вирусных вакцинах, молекулярных механизмах мышечного сокращения, об основах тератогенеза, аллергических поражениях нервной системы; представления об устойчивом патологическом состоянии, о роли нейропептидов в патологии высшей нервной деятельности, о созревании регуляторных систем в онтогенезе, о роли нервной системы в регуляции иммунитета, о генетических основах патогенности микроорганизмов и ряд других

научных представлений, некоторые из которых продолжают разрабатываться в ИЭМе и сегодня.

Такой высокой результативности можно позавидовать. Сегодня эксперимент стал более сложным, более совершенным и точным, а выводы и заключения нуждаются в строгой оценке достоверности. В этой связи вспоминается встреча с незадачливым аспирантом-микробиологом, у которого дела шли не лучшим образом. Он сидел за столом, над которым висели фотографии Пастера и Коха. На мой вопрос об успехах он ответил весьма своеобразно, глядя на портреты великих: «мир несправедлив, вот эти двое сделали всё легкое, а нам оставили всё сложное». Юмор ситуации очевиден, но можно в известной мере признать, что наука усложняется, и в условиях постоянного отставания в материально-техническом и технологическом оснащении создается ощущение прогресса по типу «замедленной съемки». Это обстоятельство искусственно замедляет ход исследований и приводит к повторяемости одних и тех же результатов в научных отчетах за разные годы. Вначале в качестве результата фигурируют предварительные данные, а в последующем – более достоверные. Это обстоятельство не лучшим образом влияет на творческий климат в коллективах и не в первый раз указывает на целесообразность ускорения научных разработок путем создания служб технического обеспечения.

Поразительно, что высокая научная результативность Института была достигнута в труднейших условиях частой трансформации его структуры. ИЭМ дал жизнь многим НИИ

страны, но при всей прогрессивности этой роли, сам нес потери, страдала его масштабность. В подтверждение этому можно привести ряд примеров.

- Был закрыт и переведен в Москву Отдел общей микробиологии, давший начало НИИ общей микробиологии АН СССР.
- Отдел вакцин и сывороток, сыгравший значительную роль в развитии в стране профилактической медицины, в 30-х годах был выделен в самостоятельный НИИ вакцин и сывороток МЗ СССР.
- ИЭМ был переименован во ВИЭМ, а затем понижен в ранге (стал филиалом ВИЭМа); отдельные его лаборатории были ликвидированы в связи с переводом ВИЭМа в Балтийский поселок Москвы; через 10 лет после этого ВИЭМ трансформировали в АМН СССР, а ИЭМ стал его ординарным НИИ. Создание Академии несомненно стало крупным шагом в развитии отечественной медицинской науки. И хотя нам принадлежит честь ходить в ее родоначальниках, продолжает оставаться непонятным, почему АМН СССР нельзя было создать в Ленинграде на уже имеющейся весьма прочной базе ИЭМа. Ситуация отчасти компенсируется в связи с созданием в рамках РАМН Северо-Западного отделения, родившегося благодаря усилиям инициативной группы ученых во главе с академиком РАМН Б.И. Ткаченко и Указу Президента РФ о том, что РАМН должна строиться на двух принципах – профессиональном и региональном.

- В 1967 году отдел вирусологии, благодаря стараниям профсоюзов, был выделен в отдельный НИИ гриппа, хотя остается непонятным, почему проблемы борьбы с гриппом, законно волновавшие профсоюзы, нельзя было решать в ИЭМе. Логично, что в середине 80-х годов отдел вирусологии вернулся в ИЭМ, что сопровождалось ростом комплексных разработок Института. По неизвестной причине мы не можем усвоить простую истину, что в основе достижений науки должны лежать не только и не столько структурные изменения, сколько успехи в решении вопросов материально-технического и кадрового обеспечения базовых институтов.
- К числу обстоятельств, отрицательно влиявших на творческий климат ИЭМа, повлекших за собой ряд структурных и кадровых потерь, следует отнести директивно поддерживаемые лженаучные теории в области генетики, физиологии и биологии с конца 40-х и до начала 60-х годов. К чести ИЭМа он пытался сопротивляться. Поэтому и нес потери. И только в начале 60-х одним из первых НИИ, ИЭМ сумел пробить брешь в стене, – при поддержке директора и позиции тогдашнего партбюро Лаборатория биохимической генетики провела конференцию по генетике митохондрий, были организованы лекции основателя кибернетики Норберта Винера и опального генетика Н. В. Тимофеева-Ресовского – «Зубра». Сегодня вряд ли возможно появление новых Лепешинской, Лысенко, Бошьяна или новых толкователей учения И. П. Павлова. В этом большое благо. Однако попытка уложить все условия научного прогресса в прокрустово

ложе административных решений о новых технологиях или чревато рождением новых научных спекуляций, подобных тенденции относить к нанотехнологии все исследования с объектами нанометрового диапазона.

- В самом ИЭМе в разные годы по конъюнктурным соображениям закрывали перспективные (отдел биофизики Э. С. Бауэра и отдел общей морфологии Д. Н. Насонова) или создавали новые, хотя и мало продуктивные (лаборатория цитологии и отдел радиобиологии) структуры. К счастью, на этом фоне имели место и позитивные сдвиги, как например, создание отдела экологической и эволюционной физиологии, лаборатории биохимической генетики (позже преобразованной в отдел молекулярной генетики), отдела нейрофизиологии человека, отдела эмбриологии, отдела физиологии висцеральных систем (вместо отдела общей физиологии), лаборатории генетики микроорганизмов (преобразованной позже в отдел молекулярной микробиологии). Были завершены переговоры о создании в ИЭМе отдела генетики под началом С. Н. Давыденкова, преждевременная смерть которого помешала их реализации. Очевидно, что в жизнестойкости Института до настоящего времени значительную роль играло умение его руководителей откликаться на запросы прогрессивных научных тенденций и в меру сил и возможностей залечивать полученные раны. К сожалению, эти силы и возможности иногда оказывались недостаточными, чтобы преодолеть все препоны.

- Значительным испытанием для ИЭМа стало вызревание в его недрах и за счет выделяемых ему средств создание Института мозга РАН. Это событие в конце 80-х и начале 90-х годов потребовало от ИЭМа и его директора огромных усилий для выживания, достойных высокой оценки. Эти годы Н. В. Хромов-Борисов вспоминал так:

«Все перемененно в нашем мире...
Совет решил, что пробил час!
Настало время штопать дыры –
Ткаченко быть! Но не замдиром,
А быть директором у нас!»

Запас прочности, заложенный нашими предшественниками, оказался достаточным, чтобы своевременно принятые меры помогли ИЭМу сохранить свою индивидуальность. Сегодня мы впервые отмечаем актовый день ИЭМа без Бориса Ивановича. Но, отдавая дань уважения его памяти, хочется думать, что коллектив сумеет поднять Институт, а Президиум РАН не останется в стороне от этого процесса. Аналогичные ситуации, чреватые нестабильностью, возникали в Институте и раньше: после смерти Д. А. Бирюкова и ухода Н. П. Бехтеревой. Тогда Институт нашел в себе силы справиться с трудностями.

Трудно-поправимый урон Институту нанесла внешняя и внутренняя эмиграция научных работников, вызванная искажениями научной политики и репрессиями; она началась в 20-е годы, возобновилась в 60-70-е годы и в форме «утечки мозгов» имела место в 90-е. Мы еще долго будем ощущать ее отрицательное влияние на работу многих отделов

Института. Этот аспект нуждается в особом внимании, ибо развитие потенциала Института сегодня во многом упирается в решение острых кадровых вопросов.

Как в стране пока еще отсутствует средний класс, так и в Институте нет среднего звена научных сотрудников. Единственной и стартовой мерой выхода из этого положения является рациональная и последовательная, рассчитанная на многие годы, молодежная политика по привлечению в науку одаренной молодежи и созданию условий для ее быстрого профессионального роста. Начинать желательно со студенческой скамьи, продолжать на семинарах, за счет стажировки в научных центрах страны и за рубежом, воспитания на лучших примерах истории иэмовской науки, использования мер морального и материального стимулирования, вплоть до выдвижения наиболее способных на руководящие научные должности. Я отдаю себе отчет в том, что сказать легче, чем осуществить, хотя бы потому, что под руку с «добрыми» намерениями будут шагать и карьеристские. Но идти по этому пути надо, и, похоже, что Институт уже становится на него.

Ряд наших учителей исповедовал именно эту «религию» – быть более всего благодарными своим ученикам, поскольку именно молодые наиболее восприимчивы к новому. Их выдвижение всегда способствовало росту Института, а потеря молодых всегда больно сказывалась. Для наглядности приведу отдельные примеры:

- Помнится как Д. А. Бирюков поручил молодым кандидатам наук Н. Н. Василевскому и Г. А. Вартачану, освободив

их на 2-3 года от обязательной ежегодной «повинности» написания статей, освоить и внедрить в практику работ отдела микроэлектродную технику; вскоре они оба, выполнив задание, защитили докторские диссертации, возглавили лаборатории, а потом и отделы. Тот же Д. А. Бирюков выделил О. В. Богданову и Е. А. Корневой перспективные участки работы, позволившие им со временем возглавить, соответственно, лабораторию и отдел; трое из названных стали членами РАМН. Д. А. Бирюкову обязан ранним приобщением к науке и последний директор ИЭМа Б. И. Ткаченко.

- Вспоминается одна из лучших в стране патоморфологических лабораторий М. В. Войно-Ясенецкого, собравшая активных молодых специалистов (К. М. Пожарийский, Б. М. Ариель, В. Л. Белянин, Ю. Е. Полоцкий). ИЭМ гордился уровнем выполненных в ней исследований и квалификацией кадров. Лаборатория распалась под давлением «идеологических обстоятельств». Эти люди возглавляли, а некоторые и до сих пор руководят крупными морфологическими лабораториями и кафедрами в НИИ и вузах города. К сожалению, не в ИЭМе.
- Помнится как В. И. Иоффе выдвинул троих молодых кандидатов наук (В. И. Сисенко, Ю. Н. Зубжицкого и меня на руководство функциональными группами по иммунохимии, иммуноморфологии и генетике микробов. Надеюсь, что мы не подвели ожидания учителя. Ю. Н. Зубжицкий возглавил лабораторию иммуноморфологии отдела. К сожалению В. И. Сисенко ушел из жизни молодым. Он

был учеником Гурвича, – одного из ведущих иммунохимиков страны, вынужденного покинуть Институт в начале 50-х годов. В течение ряда лет Институт был лишен преимуществ этого прогрессивного исследовательского подхода.

- Еще при жизни С. А. Нейфаха в Институте были хорошо известны имена В. С. Гайцхоки и ряда молодых специалистов. С большим трудом Институт сумел сохранить его в своих рядах и повысить в должности, но именно он, после кончины руководителя, возглавил отдел молекулярной генетики и был избран членом РАМН. Близкую эволюцию претерпел и другой член РАМН В. С. Баранов, бывший сотрудник А. П. Дыбана (отдела эмбриологии), ныне руководящий медико-генетическими исследованиями в НИИ акушерства и гинекологии РАМН.

Этот список мог бы быть значительно расширен. Выдвижение способных специалистов имеет место и в наши дни, хотя их возрастные критерии отстают от оптимума. Понятие «молодой руководитель», к сожалению, несколько состарилось. Прошли те времена, когда измовцев избирали в АМН в возрасте до 50 лет, как это произошло с Д. А. Бирюковым, Н. П. Бехтеревой Б. И. Ткаченко, Н. Г. Хлопиным и некоторыми другими руководителями науки в Институте. Сегодня в Институте работает 47 докторов наук. Их возрастной состав, как и возраст членов РАМН по Институту, не требует комментариев. В этом одна из сложностей нашего Института.

Попытки оценить все плюсы и минусы почти 120-летней истории Института вряд ли будут полноценными, если не принять в расчет исторический фон в стране. ИЭМ был создан в благодатный для страны период царствования Александра III, когда экономика страны и общественная жизнь находились на подъеме. Периодические катаклизмы и события, потрясшие страну и мир, начались позже. Революционные события 1905-1914 годов, I мировая война, октябрьский переворот 1917 года, гражданская война, годы различного рода предвоенных репрессий, Великая отечественная война и блокада Ленинграда, период восстановления Института, потеря кадров по причине вынужденной эмиграции сотрудников, распад СССР со всеми вытекающими отсюда тяжелыми экономическими и социальными последствиями минимум на четверть века сократили период плодотворной работы ИЭМа.

Несмотря на эти потрясения, Институт не только устоял, но и добился больших научных результатов, снискавших ему авторитет в стране и за рубежом. Он каждый раз возрождался подобно легендарной птице Феникс. Свидетельством этому стали высокие государственные награды, полученные Институтом:

ИЭМ стал первым в стране академическим медико-биологическим НИИ, удостоенным Ордена Трудового Красного Знамени (1967 г.) и единственным НИИ в системе АМН СССР, отмеченным руководством страны в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина (1970 г.).

Ныне о подобных вещах по непонятной логике стыдливо умалчивают. А жаль! Ведь за этими наградами, безотносительно к их названию, стоят большие научные успехи и торжество творческого духа наших с вами предшественников. Забывая первое, мы постепенно стираем из памяти второе. История не любит, когда из нее произвольно удаляют что-либо, ибо за этим следует потеря исторической памяти и связи времен.

Здесь нет мелочей. Чтобы правильно жить и трудиться, надо доподлинно знать все о делах и людях из истории Института: и тех, кто погиб на Чумном форте, и тех, кто спасал страну и армию от сыпного тифа в годы мировой и гражданской войн, кто побеждал чуму и холеру, кто в годы эвакуации Института остался в блокадном городе и защищал его имущество, кто создал крупные научные полотна, удостоенные Ленинских, Государственных и именных премий и дипломов, кто создал и развил новые научные направления, всех кто внес посильную лепту в научный прогресс, в рост научного авторитета ИЭМа. Разве можно не поражаться самоотверженности тех, кто в блокадном городе приобретал кроликов не для еды, а для приготовления иммунных сывороток или тех, кто испытывал живую вакцину на своих внуках и отстаивал свои научные позиции с риском потерять любимую работу. Вместе с тем не следует забывать и о негативных событиях: о «публичных порках» выдающихся ученых; о лабораториях, закрытых только по причине эмиграции отдельных сотрудников; о наложении вето на защиту диссертации сотрудником, уличенным в чтении запрещенной литературы; надо помнить и о существовании «доноси-

телей». На протяжении ряда лет (1934-1940 гг.) на посту директора ИЭМа оказывались случайные люди, хотя и медики, но скорее работники идеологического фронта, далекие от проблем фундаментальной медицины (Н. Н. Никитин, Р. Э. Яксон), что вряд ли способствовало развитию Института.

Все это надо знать и помнить, чтобы избежать возможности повторения. Для этого ИЭМ, в отличие от многих других НИИ, располагает уникальными возможностями: музеем и архивом. Работа ведется немалая, но формы ее остаются традиционными и не очень эффективными. Почему бы не изменить подход и не перевести историческую информацию в более доходчивую аудио- или видео форму, сделать ее доступной для аспирантов и сотрудников? Почему бы не возродить традицию контактов с мастерами различных областей культуры страны? Где покоятся кино-материалы об Институте и, в частности, уникальный трехсерийный фильм, повествующий о довоенном, военном и послевоенном ИЭМе? Почему бы не восстановить работу клуба молодых ученых? Надо уметь беречь добрые и хорошие традиции, а плохие отомрут сами.

Перед Ученым советом Института и особенно членами РАМН стоит большая и ответственная задача – возрождение духа непримиримости, научного авторитета и величия ИЭМа. Путь к этому в первую очередь проходит через сердца и души научной молодежи, которой выпадет честь работать в ИЭМе и жить его успехами, тревогами и заботами. Не считайте это за высокопарность, но невольно напрашивается цитата из А. С. Пушкина:

«Два чувства дивных близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам».

Её не следует понимать буквально, она звучит метафорически, но справедливо во все времена, поскольку в ней отражена любовь людей ко всему, что привело их в этот мир, позволило создать Дом и определить своё место в нем.

В молодежной политике не обойтись одними лозунгами и призывами. На дворе другая «погода». Сегодня молодежь, в отличие от старших, не будет удовлетворяться одной лишь гордостью за историческое прошлое, каким бы славным оно не было, или причастностью к делам известного Института. К этим рычагам следует прибавить продуманную систему материального стимулирования и технически грамотное обеспечение научной работы. При этом надо постоянно помнить, что научная работа является глубоко творческим процессом, а творить могут люди активные, свободные, не ограниченные рамками стандартов и обладающие внутренним достоинством. Воспитание такого поколения несомненно станет серьезным стимулом для научного творчества и для дальнейшего роста Института. Нашему современнику, великому режиссеру Олегу Ефремову принадлежали слова: «Раньше мы боролись за свободу культуры, а теперь надо думать о культуре свободы». Перефразируя его, хочется добавить «...а теперь надо думать о культуре творчества и в том числе научного».

вы те, кто исповедует «Что отдал – то твоё». Иными словами «Что посеешь, то и пожнешь».

И последнее. Не все может быть решено силами конкретного института. Если обратиться к масштабам страны, то мизерная поддержка фундаментальной медицинской науки вряд ли способна обеспечить условия, необходимые для роста, даже при наличии самых прогрессивных традиций. Вопрос гораздо сложнее. Материальные вложения должны, как минимум, оказаться соразмерными умственным, духовным и волевым, чтобы обеспечить рождение новых научных закономерностей, открытий и принципиальных решений. Хочется надеяться, что для молодых, сегодня идущих в науку, такое время не за горами.